

Помимо семейств Поповых и Криона Папа Никола хорошую память оставили по себе в одесском табачном производстве Асвадуры, Алабугины, Бабадаглы, Куфуди, Месаксуды, Ламба — последняя фабрика существовала с 1834 года. Производство торгового дома "Сыновья Исаака Асвадура", напротив, из молодых, основано в 1886 году. Но уже два года спустя изделия фирмы получили большие золотые медали в Брюсселе и Лондоне. В собраниях коллекционеров сохранились папиросные коробки с оригинальными марками: "Бриллианты", "Европейские", "Смирна", "Польские", "Грация", "Амброзия", "Дюшес", "Демон", "Ласточка", "Гадалька", "Букет", "Календарь", "Армения", "Турчанка", "Восторг", "Бельгийские", "Графские", "Сильва", "Пушки", и даже — держите, меломаны! — "На-на". Особо отличились местные производители курительной бумаги. Лучший французский образец "Абади", правда, непозволительно было превзойти. Реализацией этой бумаги в Одессе занимался небезызвестный предприниматель Фридрих Кроне, выстроивший изысканный офис на Почтовой улице, в квартале между Екатерининской и Ришельевской, по четной стороне. Тем не менее, на тот же высочайший уровень удалось подтянуть одесскому купцу Иосифу Львовичу Конельскому.

Производство папиросной бумаги и гильз основано им на улице Ришельевской, № 32, в 1885 году. В фондах Государственного архива Одесской области сохранились любопытные документы и материалы о И.Л. Конельском, в частности, фотография 1911 года, на которой он изображен сидящим в смешном допотопном автомобиле "Форд", причем даже не за рулем, ибо баранку тогда замещал некий рычаг. Особняк Конельского по улице Белинского, № 13, построенный в начале прошлого века, включен в реестр объектов культурного наследия. В 1910-е годы за фабрикантом папиросных гильз и курительной бумаги числятся и другая недвижимость, по адресам: Пантелеймоновская, № 3А, Итальянский бульвар, № 4А, Вагнеровский переулок, № 2, дача на отрогах Французского бульвара к морю. В эти годы И.Л. Конельский состоял членом одного из участковых раскладных присутствий, то есть институции, ведавшей раскладкой городских налогов, сотрудником Общества пособия бедным больным на одесских лиманах и Общества вспомоществования нуждающимся учащимся еврейского ремесленного училища "Труд".

В моей коллекции имеется уникальное терракотовое фирменное блюдечко Конельского с рельефом, изображающим некоего порядочного господничка, подкуривающего пахитоску от спички, любезно поднесенной бонтоной же дамой. Кроме того, у меня есть и обложка книжки курительной бумаги с привлекательной фирменной атрибутикой и портретом самого предпринимателя. Здесь же уточняется: "Этикет утверждён Департаментом торговли и мануфактур 3 мая 1896 года за № 21461". Желтая майсовая бумага Конельского заслужила множество высших наград на всероссийских и международных вернисажах. Кроме того, неплохой репутацией пользовалась еще местная фабрика папиросной бумаги "Микель Эль".

Подверстаем сюда весьма курьезный эпизод. В очерке "Путешествие в Одессу" (1929 г.) Илья Ильф иронически повествует об одесских памятниках: мол, до революции их было лишь четыре, а ныне — не менее трехсот. "В садах и скверах, на бульварах и уличных перекрестках, — пишет он, — возвышаются ныне мраморные девушки, медные львы, нимфы, пастухи, играющие на свирелях, урны и гранитные поросята (...). Львы и поросята перенесены в город из окрестных дач. Что же касается нимф и урн, то похоже на то, что они позаимствованы с кладбища. Как бы то ни было, вся эта садовая и кладбищенская скульптура очень забавно украсила Одессу".

Выясняется, однако, что предположение Ильфа вовсе не лишено оснований. Недавно заместитель директора Государственного архива Одесской области демонстрирова-

ла мне одно занятное дело как раз 1929 года, связанное с деятельностью городских коммунальных служб. Так вот, здесь есть сообщение о том, что надо обратиться к родственникам покойного фабриканта И.Л. Конельского с предложением отдать установленные на его могиле на втором еврейском кладбище двух мраморных львов "для украшения общественных садов"! Как это со знаком наоборот созвучно фрагменту фельетона братьев Тур, рассказавших о медной дверной табличке, как бы заменившей надгробие одному бедному присяжному поверенному: "Такой-то и такой-то, принимает в такие-то дни и часы".

И под занавес — обещанный сюжет о "Казбеке".

Жил в дореволюционной Одессе латышский мальчик Роберт Граббе. Матушка его была модисткой, а поэтому сынок нередко работал ножницами по выкройкам, и как-то само собой получилось, что стал делать силуэты. Еще любил юный Роберт певчих птичек, познакомился на этой почве с другим птицеловом — Эдиком Дзюбиным. Прошли годы, и уже в Москве художник Граббе иллюстрировал книжки Эдуарда Багрицкого и других известных литераторов. Что до "Казбека", эта знаменитая картина явилась позднее — в качестве халтуры для "Табактреста". Очевидно, в этой организации желали потрафить "великому кормчему" и заказали иллюстрацию на кавказский мотив. Отлично справившись с поручением, Граббе сделался подлинно народным художником — это производственные действительно знала вся страна. Самое примечательное заключается в том, что казбековский всадник на самом деле родился несколько раньше и гарцевал еще на титульном листе сборника стихов Багрицкого "Юго-Запад".

И раз уж мы коснулись литературной проблематики и "Казбека", не могу не поделиться еще одним интересным наблюдением. "Сейчас в кармане у него (А.И. Корейко. — О. Г.) в плоской железной коробке из-под папирос "Казбек" лежало десять тысяч рублей бумажками, достоинством по двадцать пять червонцев каждая". О чем тут пишут Ильф и Петров? В 1923 году в СССР были выпущены ассигнации достоинством 10, 15 и 25 тысяч рублей, а в выпуске 1924-го наибольшие номиналы, так называемые червонцы, составляли 25 и 50 рублей. Речь же в данном случае идет о 1930-м. В интервале между 1924-м и 1930-м никаких бумажных денег Гознак не печатал, а обмен старых к тому времени давно закончился. Следовательно, "на кармане" у подпольного миллионера были эти самые 25-рублевые купюры образца 1924 года.

Теперь — вопрос, заданный мне когда-то одесским библиофилом В.М. Гульдасом, современником тех самых событий. Каким образом в плоской железной коробке могла уместиться столь значительная сумма? Оставалось проведсти, что называется, следственный эксперимент. И мы провели его вполне аутентично, поскольку располагали двумя такими стандартными металлическими папиросными коробками и соответствующими купюрами. Одна из коробок — от "Казбека", другая, что примечательно, "ОДЕССКОГО ЦЕРОБКООПА", даже с указанием адреса главного магазина — улица Лассалья, то есть Дерibasовская, № 21. Теперь на месте этого дома возвышается недавно построенный торговый центр "Европа". Да, так вот, означенная сумма ни за что не помещается в таких вот папиросницах. Выходит, мы еще не вполне внимательно читаем зачитанные до дыр и раздерганные на цитаты "Золотой тельенок" и "Двенадцать стульев". Что-то авторы явно имели в виду, предумышленно вкрапляя в текст заведомо ложный и совершенно очевидный для современников факт. Что именно? Что курение отнимает много денег? Что деньги следует хранить в "социалистических гострудберкассах"?

И дабы не быть обвиненным в пропаганде дурной привычки, вынужден заключить этот текст хрестоматийным: "МИНЗДРАВ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ..."

Лада ПРОКОПОВИЧ АКВАРИУМ

Немецкий изобретатель Бруно Грубер запатентовал жевательную резинку для аквариумных рыбок. Пластичная масса содержит растительные ароматные вещества, например, из мяты, и успокаивает рыб.

Журнал "Наука и жизнь", № 6, 2005.

Тихо, спокойно, умиротворенно. Что может быть тише и умиротворенней аквариума? Все здесь располагает к философствованию, к размышлению над вечными вопросами бытия.

— Вот тут некоторые говорят — Бога нет, Бога нет! — задумчиво произнес старый обезьяний гуппи, подплывая к передней стенке аквариума. — А кто воду в аквариуме меняет? А кто жвачки от стрессов нам выдает?..

Конечно, он знает, кто меняет воду и выдает жвачки. Он — один из немногих, кто знает это достоверно. Но в последнее время его стали одолевать сомнения, а сомнения в его возрасте...

— Дедушка Кусто! Дедушка Кусто! — прервал его раздумья веселый гомон мальков. — А тетя Скалярка сказала, что когда-то вы сражались с млекопитающим! Это правда? Это правда?

— У вашей тети Скалярки пыльное воображение, — недовольно прошептал Кусто. — Все было совсем не так.

— А как? А как? Расскажите! Расскажите!

— Неужели вам интересно слушать рассказы этого старого маразматика? — вильнула хвостом проплывающая мимо вуалехвостка Няда.

— А что такое "раз-математика"? — спросил самый маленький малек по имени Посейдон.

— Гребла бы ты отсюда, — тактично обратился Кусто к Няде, оставляя детский вопрос без ответа.

Няда фыркнула и снова вильнула хвостом. Ну, на то она и вертикалка... ой, то есть вуалехвостка. Кусто вздохнул и сказал:

— Ладно, детки, так и быть, расскажу вам эту страшную историю.

Кусто отплыл от переднего стекла и направился к каменному гроту, который был любовно сделан и заботливо установлен (опять же, кем сделан? кем установлен?) в глубине аквариума. Мальки шумно поплыли за ним в предвкушении увлекательного рассказа. Расположившись на живописном, поросшем редкой тиной камне, Кусто откашлялся и начал:

— Было это давно. Очень давно. Жил я тогда в другом аквариуме — чуть поменьше и без такого гротика. Ходили слухи, что хозяином нашего аквариума был Студент, но в это мало кто верил. Да это было и неважно. Нам было тепло, светло, сытно, кислорода хватало. Но вот однажды появились новые слухи — у Студента, или как его там, появился некто Кот. Бог его знает, откуда бралась вся эта информация, но вскоре стало известно, что Кот — это млекопитающее отряда кошачьих. Хищник. Любит рыбу. В смысле — любит ее есть. Да... в это тоже почти никто не верил, но спустя некоторое время по ту сторону стекла замелькала огромная мохнатая голова с зелеными глазами, длинными усами и зубами, как у пираньи.

Мальки в ужасе сбились в стайку, плотно прижимаясь друг к другу. Казалось, что страх, порожденный словами Кусто, медленно распространяется по всему аквариуму, подчиняясь неумолимому закону диффузии. Даже улитки, эти безмозглые и бездушные существа, при слове "пиранья" попрятались в свои мобильные домики.

— Прошло еще немного времени, — хрипло продолжал Кусто, — и мы узнали, что бывает, когда в воду погружается кошачья лапа. Когти на этой лапе были еще больше и острее, чем зубы. А взбаламученный песок и экскременты оседали только к вечеру. Но это было еще не самое страшное. Настоящий апокалипсис наступил тогда, когда этот Кот упал к нам в аквариум.

Кусто задумался, и в воде повисла напряженная тишина. Мальки уже так сильно уплотнились, что не могли шевелить плавниками. У некоторых начались симптомы депрессии. Кусто поправил свою шапочку (в по-

следнее время часто мерзнет голова) и продолжал:

— Конечно, этот сухопутный идиот легко отделился. Его тут же выловили друзья Студента, или как его там, вытерли махровым полотенцем, уложили спать. А наши... Никто не выдержал такого стресса... Ведь успокоительных жвачек тогда не было... Я один остался в живых.

Кусто болезненно поморщился и поплыл в грот, где у него была припрятана заветная фляжечка. Пара глотков из нее помогли справиться со стрессом лучше, чем жвачка. Но мальши не должны этого видеть. Рано им еще.

Когда Кусто выплыл из грота, из всех мальков остался только Посейдон.

— А ты чего ж не уплыл с остальными ребятами? — с наигранной бодростью спросил его старик.

— Я... я хотел... — начал было Посейдон, но осекся и сказал совсем не то, что собирался: — Я хотел пригласить вас на мамин торг.

— О! С удовольствием, — оживился Кусто. — Твоя мама единственная, кто во всем этом райском местечке умеет готовить торг из сухого корма.

И два полупрозрачных, с бледными хвостами (у одного из-за старости, у другого по молодости) гуппи поплыли через весь аквариум к дому Посейдона. Проплывая мимо двух сомиков, думающих, что они удачно замаскировались в донной части, Кусто традиционно их поприветствовал:

— А, морская пехота! Здравия желаю.

"Морпехи", недовольные тем, что их так легко демаскировали, нервно повели усами, буркнули что-то в ответ и принялись подстраиваться под другую складку местности.

Затем гуппи проплыли мимо красивой раковины рапаны, в перламутровом чреве которой целовалась какая-то влюбленная парочка, а когда проплывали сквозь заросли зеленых и красновато-лиловых водорослей, Посейдон спросил:

— Это правда, что эти водоросли — не настоящие?

— Правда, — кивнул Кусто. — Они искусственные. Из пластмассы.

— А как выглядят настоящие?

— Выглядят точно так же. Но на ощупь и на вкус — другие. Совсем другие.

Посейдон не стал уточнять, какие именно, поскольку он уже заметил свою маму, суеющуюся вокруг стола. ...В самый разгар застолья мама, распаленная чаем и похвалами в адрес ее кулинарного шедевра, подвинулась поближе к Кусто и доверительно ему зашептала:

— Вы как мудрый, опытный гуппи, — при слове "опытный" Кусто поперхнулся, но мама как ни в чем не бывало продолжала, — вы должны поговорить с моим шалопаем. Он отказывается принимать успокоительные жвачки.

— Даже мятные? — удивился гость.

— Ни мятные, ни банановые... никакие. Не знаю, как его уговаривать. Может, вы попытаетесь его убедить?

— Постарайся. Непременно, — согласился Кусто, смутно, однако, представляя себе этот воспитательный процесс.

А после чаепития Посейдон повел гостя в мамин сад камней, о котором в аквариуме ходили легенды. Известно, откуда мама брала все эти сокровища, но в ее коллекции были разноцветные гладко отшлифованные стекляшки, нежно-голубые бусинки, галька серых и зеленоватых камней и даже один сердоликовый осколок. В тот момент, когда Кусто рассматривал этот самый осколок, включилась местная подсветка, и сад камней превратился в россыпи драгоценностей, мерцающих волшебными бликами. Вся эта красота так увлекла Кусто, что он оказался совершенно не готовым к вопросу Посейдона, который тот задал тихим, но вкрадчивым голосом:

— А это правда, что рыб используют в научных экспериментах?

Кусто, не готовый не только к вопросу, но и к такой его формулировке в устах ребенка, растерялся.

— Откуда ты это узнал?

— Значит, это правда?

— Откуда ты это узнал?

— Ну... вчера вечером я услышал разговор за стеклом. Один голос спрашивал: "Зачем ты даешь им эти жвачки? Какие стрессы они могут переживать в этом аквариуме?..."

— Никаких, — перебил малыша Кусто, — если не считать Няды. Дальше.

— А другой голос отвечал: "В этом, допустим, никаких. Но откуда я знаю, что им пришлось пережить в других?". Тогда первый голос рассмеялся и сказал: "Не смеши меня". А второй голос сказал: "Ты зря смеешься. А что, если над этими рыбами ставили научные эксперименты?". На что первый голос сказал: "Тогда им никакие жвачки не помогли бы".

Кусто схватился за голову:

— Боже мой! Боже мой! Как же можно такие разговоры вести при детях?!

— Я уже не ребенок! — обиделся Посейдон. — Я не икринка какая-нибудь! Я сразу родился рыбой!

"Ох уж эти индюшата!" — подумал Кусто, обычно не склонный к старческому брюзжанию, но в данном случае осознающий сложность общения с поколением "индиго". Ведь всю душу из тебя вытрясут, пока не получат того, чего хотят. Попробуй тут отделиться старой доброй сказкой!

Кусто вспомнил, как примерно неделю назад тоже кое-что услышал за этим стеклом. Хозяйка читала своему четырехлетнему сыну сказку про жучка, а потом сказала: "И ты у меня, совсем как этот жучок". А сын ей: "Я не жучок! Я людью!".

Вот и этот туда же: "Я рыба!".

— Ладно, — махнул плавником старик. — Видно, день сегодня такой. Придется рассказать тебе еще одну историю из моей жизни.

— Ух ты! — возликовал юный гуппи.

— Видишь ли, Посейдон, — с грустью выдохнул Кусто, — я однажды попал в такой эксперимент.

Старик на секунду умолк, прикидывая в уме уровень подготовки аудитории, но вспомнив формулировку детского вопроса, решил не ограничивать себя в научных терминах.

— В современной науке, — изрек он профессорским тоном, — есть методика, позволяющая определять токсическое действие воды с помощью биологических тест-объектов. На роль этих тест-объектов обычно берут нас.

При этом называют нас не просто гуппи, а по-научному длинно и вычурно — *Poecilia reticulata Peters*. Примазался тут, понимаешь, какой-то Петерс... А методика, в отличие от средневековых пыток, довольно проста. Берут два аквариума. В один наливают обыкновенную чистую воду, а в другой — ту, качество которой надо определить. Первый аквариум называют контрольным, а второй — опытным. А потом в каждый из них запускают по 100 гуппи. Когда рыбы начинаютдохнуть, ученые фиксируют время и факт смерти, а затем вычисляют процентное соотношение смертей в двух аквариумах. Правда, в том тестировании, в какое попал я, молодая Ученая, или как ее там, из самых гуманных соображений взяла по 100 особей, а только по 10, полагаю, что на чистоту эксперимента это не повлияет. Но это служило малым утешением. Ведь в опытный аквариум она налила сточные воды какого-то местного завода... И уже через 15 минут в этих водах все наши братья плавали вверх брюхом. Все! Все до единого! Тысяча чертей ей в селезенку!

— А вы остались живы, потому что оказались в контрольном аквариуме? — спросил Посейдон.

— Ты очень догадлив, сынок. Да. Второй раз в жизни мне крупно повезло.

Посейдону захотелось сказать что-то теплое и нежное этому старому гуппи с благородной сединой в плавниках, но он никак не мог совладать с собственным речевым аппаратом: слова путались, сбивались в клубок, и этот клубок застревал в горле, не желая распутываться тонкой задумчивой речью.

— Так что, друг мой, никогда не стоит отказываться от успокоительной жвачки, — резюмировал Кусто, вспомнив обещание, данное им матери этого любознательного сорванца.

— Угу, — буркнул Посейдон, не в силах возражать своему старому другу.

Они попрощались, и Кусто поплыл в свой закуток. Наступала тихая, спокойная ночь. Что может быть спокойнее и умиротвореннее ночи, ночи в аквариуме?